

DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.06

УДК 316.625-057.13(470+571)

О. Оберемко, А. Истомина

СОВМЕСТИМЫ ЛИ ВОЛОНТЕРСКАЯ И ПРОТЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?

(по материалам самоописаний российских добровольцев)

СОВМЕСТИМЫ ЛИ ВОЛОНТЕРСКАЯ И ПРОТЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ? (по материалам самоописаний российских добровольцев)

ARE VOLUNTEER AND PROTEST ACTIVITIES COMPATIBLE? (Based on self-descriptions of the Russian volunteers)

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич — доцент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ. E-mail: ooberemko@hse.ru

OBEREMKO Oleg Alekseevich — Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, Leading Researcher, Center for Social Entrepreneurship and Social Innovation Studies, National Research University Higher School of Economics. E-mail: ooberemko@hse.ru

ИСТОМИНА Анна Геннадьевна — аспирант департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. E-mail: aistomina@hse.ru

ISTOMINA Anna Gennadievna — postgraduate student, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. E-mail: aistomina@hse.ru

Аннотация. Теоретический объект статьи — социальная самоидентификация добровольцев в контексте широко понимаемой общественной активности (активизма). Исследовательский вопрос — как активными волонтерами в России понимаются различия между волонтерским и протестным участием, как аргументируется несовместимость двух форм социальной активности. На основе тематически отобранных фрагментов из 60 полуформализованных интервью с активными волонтерами из разных добровольческих объединений Пермского края, собранных весной-летом 2011 г., реконструировано категориальное пространство противопоставления волонтерского участия участию протестному. Полученное пространство состоит из четырех осей, каждая из которых задается двумя полюсами: добро и отсутствие добра; дело и слово; приватность и публичность; лояльность и нелояльность. В первых трех осях угадывается упрощенный взгляд на мир человека, не

Abstract. The article explores social self-identification of volunteers in the context of the broadly understood social activities (activism). The focus of the study is to describe how active Russian volunteers understand the differences between volunteer and protest participation and how the incompatibility between two forms of social activity can be explained. Based on sixty semi-formalized interviews involving active volunteers from different volunteer associations of the Perm region, the author reconstructs a space depicting volunteer and protest activities. The space has four axes each with two poles: good / absence of good; words / deeds; privacy / publicity; loyalty / disloyalty. The first three axes refer to the simplified view life; the person does not want to socialize in the world of mature civil actions living in an unexceptionable private space and avoiding actions where the opinion of others must be taken into account and compromises are to be found. Such a naivety and avoidance of civic socialization allow volunteers achieving positive freedom not engaging in distracting protest actions against structural problems. Only the fourth axe reflects mature civil position of a volunteer who is ready to search for compromises and common interest in the world of

желающего обобществляться в сложном мире зрелого гражданского действия, живущего в этически безукоризненном приватном пространстве и избегающего публичных сцен, где приходится учитывать волю других и искать компромиссы и точки соприкосновения. Намеренная несоциализированность (или наивность) позволяет реализовывать в добровольческом участии стремление к позитивной свободе и не отвлекаться на протестную борьбу со структурными проблемами общества. Только четвертая ось отражает зрелую гражданскую позицию добровольца, готового искать в мире сталкивающихся воле точки соприкосновения и компромиссы, сохранять лояльность установленному порядку, предпочитая позитивное действие негативному.

Анализ вскрыл типы аргументации и стоящие за ними представления о мире и о самоидентификации в нем волонтеров относительно политических активистов.

Ключевые слова: волонтеры, добровольцы, протестная активность, социальная идентичность, признаковое пространство самоидентификации, этос волонтерства, приватное пространство, публичное пространство, позитивная свобода, негативная свобода, анализ категориальных данных, логико-семантический анализ, деконструкция

confronting desires to stay loyal toward the existing order and to choose the positive action rather than the negative one.

The analysis helped to determine forms of argumentation and different points of view as well as identities of volunteers and political activists.

Keywords: volunteers, protest activity, social identity, attribute space of self-identification, volunteer ethos, private space, public space, positive freedom, negative freedom, analysis of categorical data, logic and semantic analysis, deconstruction

Добровольчество определяется как «любая активность, при которой время свободно используется в интересах другого человека, группы или организации» [Wilson, 2000: 215], как «работа, которая выполняется без оплаты, без принуждения и организовано на благо других людей, организаций или общества в целом» [Hustinx et al., 2003: 167].

Более общее социальное и политическое воздействие добровольчества на общество также находило свое осмысление. Согласно теоретической предпосылке об общественной жизни А. де Токвиля, добровольное участие в сообществах способствует развитию демократии [Токвиль, 1992]. Продолжая эту идею, Р. Патнем называет волонтерство «частью синдрома хорошего (good) гражданства и политического участия» [Putnam, 2000: 132]. Участие граждан в добровольчестве способствует увеличению в сообществе *социального капитала*, представляющего собой «социальные сети и нормы взаимности и доверия» [Putnam, 2000: 19]. Социальное доверие (как одно из измерений социального капитала), формируемое в ходе добровольческого участия, как предполагается, непременно транслируется и в гражданско-политические формы участия. Само понятие гражданского общества развилось «в зонтичное понятие, используемое для осмысления пользы от волонтерства для жизни в местных сообществах и политической демократии» [The Values..., 2003: 8]. М. Мьюзик и Дж. Уилсон называют пять причин тому: (1) добровольчество формирует доверие людей другу

к другу и к общественным институтам; (2) оно способствует пониманию идеи, что в основе упорядоченной жизни лежит социальный контракт; (3) взаимодействие волонтера с широким кругом людей и знакомство с локальными проблемами способствует дальнейшему вовлечению в общественную сферу; (4) добровольчество формирует гражданские навыки, применимые в политической сфере; (5) добровольческая деятельность помогает людям осознать «структурную природу социальных проблем и необходимость их политического решения» [Musick et al., 2008: 460–461].

Сторонники критического взгляда подвергают сомнению идею теоретиков общественной жизни о том, что добровольческое участие непременно является источником накопления социального капитала в обществе и импульсом к развитию гражданственности и демократии [Hustinx et al., 2010: 428]. Так, П. Лихтерман отмечает, что не все классические добровольческие группы способствуют вовлечению их членов в более широкое общественное пространство. Затруднять «наведение мостов» с обществом может, в частности, сложившаяся структура отношений внутри волонтерской организации и отношений с внешним миром; к примеру, в религиозных организациях на символическом уровне могут транслироваться ценности доверия к миру, а на уровне практики реализовываться отношения закрытости [Lichterman, 2005].

Как пишет Н. Элиасоф, на практике гражданское участие американских волонтеров оказывается на удивление повседневным и близким к дому. Изучая различные добровольческие группы, она показывает, что волонтеры стараются не связываться с крупными проблемами, решение которых требует длительного обсуждения, а берутся только за малые дела, т.е. дела неполитические, не связанные с крупными общественными проблемами [Eliasoph, 2003: 23], которые представляются волонтерам выполнимыми [Eliasoph, 2009: 296]. Склонность волонтерского дискурса к деполитизации волонтерской деятельности отмечают и другие исследователи [Hustinx et al., 2010: 413].

В статье на российском материале реконструируется категориальное пространство сравнения и противопоставления протеста волонтерскому участию.

Эмпирическую базу исследования составили 160 полужурнализованных интервью с активными волонтерами из разных волонтерских объединений, собранных весной–летом 2011 г. в Краснодарском и Пермском краях и в Самарской области в рамках проекта «Формальное и неформальное молодежное добровольчество»¹.

Формирование дискурсивного массива производилось поэтапно. Сначала отбирались интервью, в которых вопрос о целесообразности выделять в российском волонтерском движении протестное и лояльное течения (а) задавался², (б) получил хотя бы минимальный содержательный ответ. На этом этапе, согласно нашей интерпретации, мы получили дискурс самоопределения (социальной самоидентификации) волонтеров в категориальном пространстве «волонтерское–протестное участие». Основания называть «окрошку» из фрагментов разных интервью дискурсом находятся в базовом сходстве условий, в которых эти фрагменты были произведены: как минимум, социально-ролевая однородность информантов

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ № 127 – рп от 02.03.2011 Независимому аналитическому центру «Социум–Регион».

² Спроектированный вопрос в путеводителе звучал так: «Есть ли смысл делить добровольчество, как это иногда делают, на поддерживающее порядок и протестное, оппозиционное?» Инструкция давала интервьюеру право этот вопрос не задавать (необязательный вопрос).

и единство процедуры сбора данных (в том числе инвариантность стимульного вопроса и контекста его предъявления).

На следующем этапе по тематическому принципу «вырезались» только те ответы, в которых утверждается *принципиальное различие* между протестным и волонтерским участием. В итоге мы получили еще более *однородный субдискурс* несовместимости волонтерства и протеста, или субдискурс аполитичного волонтерства, аналог которому обнаружила в волонтерском движении США Н. Элиасоф.

Выскажем два соображения в пользу сделанного тематического ограничения. Формальное соображение относится к формату журнальной статьи. Один из недостатков презентации результатов анализа качественных данных состоит, на наш взгляд, в том, что формат не позволяет показать весь массив релевантных данных (цитат). В итоге читатель видит лишь избранные фразы, которые наилучшим образом, по мнению авторов, репрезентируют категориальное пространство, реконструированное самими же авторами. Получается, что читатель вынужден верить авторам на слово. Чтобы не ставить себя перед необходимостью приводить (вернее, скрывать) объемный цитатный материал, мы выделили *субдискурс*, анализ которого соразмерен формату статьи.

Разумеется, выбрасывание позиции сторонников участия волонтеров в протестном движении таит в себе риск вместо научного освещения выдать апологетику «карманного волонтерства». Содержательное соображение таково: мы не конструируем, а *деконструируем* субдискурс противников политизации волонтерства, т.е. реконструируем категориальное пространство противопоставления протеста волонтерскому участию. При аккуратной деконструкции обе позиции получают свое освещение, хотя, надо признать, несимметричное. Но сыграла роль и формальная сторона вопроса: субдискурс сторонников протестного участия заслуживает отдельной (и более объемной) статьи ввиду большего семантического разнообразия.

Руководствуясь исключительно ограничениями в объеме, мы представили только высказывания волонтеров из Пермского края, что не изменило деконструированный концептуальный каркас.

Сформированный массив последовательно подвергся категоризации и кодированию в стратегии снизу вверх, в результате чего были получены четыре семантические оси, в терминах которых противопоставляется волонтерское и протестное участие: (1) добро (позитив)–недобро (негатив), (2) дело–слово, (3) приватность–публичность, (4) лояльность и нелояльность. Далее дается содержательная интерпретация выделенных осей.

Ось 1: Добро vs. Отсутствие добра³

Исходным пунктом защиты моральной неуязвимости добровольчества служит этимология слова: *...протестного добровольчества, я думаю, не может быть, по определению, так как добровольчество от слова «добро», и оно несет добро. То есть все, что несет некий негатив, я считаю, что это уже не добровольчество.* (П01, 246–248)⁴

³ В квадратные скобки взяты понятия, которые не встречаются в интервью, а стали результатом логико-семантической реконструкцией неэксплицированного второго полюса оппозиции по вербально эксплицированному полюсу в логике антонимических противопоставлений (см. подробнее: [Оберемко, 2010]).

⁴ Цитаты из интервью снабжены указанием на архивный номер документа (где буква обозначает город, в котором взято интервью: К — Краснодар, П — Пермь, С — Самара) и строки транскрипта.

Во-первых, в основе добровольчества — добрая воля, далее эксперт переносит признак агентства на результат действия — добрая воля несет добро. В простой и ясной картине мира нет места (для морального оправдания и действительного существования) «части силы той, что без числа/творит добро, всему желая зла».

Во-вторых, мир несущего добро добровольчества — однополярный, позитивный, *утверждающий*; в нем просто не может быть негатива, *отрицания*. И поскольку протест эксперт связывает с негативом, с отрицанием, протесту нет места в мире добровольчества. Подчеркнем, никто из информантов, говоря о добре добровольчества, эксплицитно не соотносит протест со злом. Именно поэтому мы реконструировали ось в виде «добро–отсутствие добра»:

Добровольчество несет добро — что несет негатив — [недобровольчество]
[недобровольчество несет недобро].

Итак, есть мир с позитивным центром добра и негативной периферией, где недобро есть отсутствие (или дефицит) добра, но не имеет позитивных качеств и собственного существования.

Более сложная картина мира, где добро бывает во благо в случае добровольчества, а бывает и не во благо — в случае протестной активности: *...добровольчество не может быть протестным, потому что это [добровольчество] — добро во благо...* (П10, 142–143)

Этот мир сложнее предыдущего, там, где допускается возможность амбивалентности доброго агентства: добро, благие намерения могут использоваться и во благо, и во вред. Здесь присутствует явный отказ от чересчур упрощающего жизнь переноса атрибута действующей инстанции на результат деятельности.

Однако этот мир остается простым в той части, где горизонт ограничен непосредственным *субъективным смыслом, интенцией* совершаемого действия; протест в конечном счете может быть направлен против недоброй воли ради достижения доброй цели. Но простота модели мира такой сложности не терпит: в этом мире даже на слезинке сатрапова вертухая добро не может торжествовать.

Аналогия «добровольчество — добро, протест — агрессия» выявляет еще один элемент смысла (сему) и позволяет предположить, что оба понятия подразумевают активное вторжение в жизнь других: *Добровольчество, оно от слова «добро». Протест — это немножко другое, это все равно какая-то форма агрессии* (П103, 257–258).

В одном случае активность несет благо, в другом — [вред]; вторжение (интервенция), несущее вред, и есть агрессия⁵. Тогда добровольчество — это сила, которая не встречает на своем пути преград, а заполняет собой вакуум в логике возможного. В логике беспощадных к врагам революций такое добро есть оппортунизм: глажение по головкам, когда по головкам этим надо бить.

В этом ключе протест рисуется как бескомпромиссная силовая борьба, а добровольчество — как мягкая сила, которая себя не обнаруживает в противопоставлении, поскольку избегает всяких противопоставлений и, по-видимому, противостояний.

⁵ Слово «вред» информанты не употребляют, но соответствующее понятие реконструируется по двум основаниям: (1) как прямой антоним «благу»; (2) в соответствии со словарными определениями понятия «агрессия», в котором подразумевается *намерение агрессора нанести вред* (физический, психологический, косвенный) жертве, которая, как уверен агрессор, мотивирована этого вреда избежать (см., например: [Anderson, 2000: 68], а также любые словари Г.Д. Ожегова или В.И. Даля).

Однако избегание сопротивления — не обязательно центральный мотив добровольчества. Такое упрощение может выглядеть убедительно с позиции революционного борца, презирающего всякого, кто избегает прямых столкновений как труса или конформиста. Но возможна иная, более сложная трактовка избегания инсургенций, если признать, что избегание есть не цель, но средство; средство для сохранения себя и возможностей действовать позитивно: *Нет, добровольчество — это, конечно, не оппозиция. О чем мы говорим? Что такое оппозиция? Оппозиция — это против чего-то. А мы не против чего-то, мы, наоборот, за что-то. ...Мы просто помогаем, делаем то, что нам важно. Добровольчество — это не оппозиция, мы не выступаем против чего-то. Зачем? Вот мы есть, и мы просто что-то делаем. Все!* (П09, 295–297)

Идентичная по смыслу позиция была высказана и в Самаре: *В моем понимании, добровольчество — это социально значимое добровольчество — это приносящее пользу кому-то и чему-то, а не бунтующее или восстающее против чего-либо* (С34, 101–103).

Если увидеть за склонностью избегать столкновений (как бесполезной траты времени и средств) стремление к позитивному действию, позицию непротестного добровольчества можно проинтерпретировать в духе позитивной этики порядка и прогресса О. Конта, а также в духе иных активистских этик сопротивления.

Учение И. Берлина о негативной и позитивной свободе [Берлин, 2001] уже вводилось в оборот социологии идентичности [Истомина и др., 2013; Оберемко, 2008], уместно этим учением воспользоваться и здесь. В терминах И. Берлина, протестное движение (якобы) видит своим пространством ближайшего развития (основой для групповой идентификации) стремление к негативной свободе — свободе от ограничений; тогда как добровольчество декларирует свое стремление к позитивной свободе — свободе сделать что-то ценное, не отвлекаясь на борьбу с ограничениями, но действуя с учетом заданных ограничений. (Эта позиция очень похожа на позицию принципиально не политизирующегося бизнеса: или работай в сложившихся условиях, или не участвуй — ищи для своего бизнеса более благоприятные условия.)

Ось 2: Дело vs. Слово

Добровольческая деятельность предполагает практические действия, ориентированные на конкретный объект заботы, и предусматривает практический результат. Результативной, эффективной деятельности добровольчества противопоставляется символическая активность, т.е. бездеятельность протеста. За добровольцем стоит дело, созидание, за протестующим — только слова. Как и в предыдущей оппозиции, появляется слово «позитив» как отличительный маркер добровольчества:

...если люди выходят просто помитинговать, подекларировать свои какие-то заявления, конечно, безусловно, с их точки зрения, это может быть носит какой-то позитивный характер, но я не считаю это добровольчеством. (П01, 251–254)

Протестное это, может быть, как в смысле каких-то митингов или чего? — Это организация, но это не добровольчество. По сути они же ничего не создают. (П103, 257–258)

Деятельный волонтер допускает, что с точки зрения любителей «просто помитинговать» [и разойтись], «подекларировать» [и ничего не сделать] эти действия могут иметь «позитивный характер». Он видит сходство между собой и протестующими в том, что они оба могут

одинаково ценить позитивное (эффективное?) действие, но по-разному определять, какое действие считать позитивным (или как определять его эффективность).

Однако оппозиция дела и слова теряет свою четкость, если в рамках протестных практик можно не только «декларировать идеи», но и осуществлять благие/позитивные действия на конкретные цели, в пользу конкретной целевой группы: *Если эти акции несут какой-то позитив, носят характер сбора средств, раздачу каких-то листовок или другие какие-то позитивные вещи, ну, это добровольчество* (П01, 250–251).

Протестное действие имеет целью привлечь общественное внимание к структурной проблеме, а не обеспечить благом здесь и сейчас конкретный объект заботы. Не принося немедленно реальных частных улучшений, оно не рассматривается и как ценный источник структурных изменений. Если хочешь протестовать, одновременно организуй и сбор средств — это будет дело, в крайнем случае, *раздавай листовки* — это тоже, как ни странно (конкретным информантом) считается делом; здесь возможна такая интерпретация: простой демонстрации, простого слова мало, нужно что-то дать, даже если это подаяние (листочка) скорее эквивалентна слову, чем материальному благу.

Близко по смыслу высказывание эксперта из Самары — надо (хоть) что-то делать: *Любой [может] выйти на митинги, это уже не добровольчество... Добровольчество — это ведь надо что-то делать, помогать окружающим. А если ты будешь стоять и протестовать — это не про добровольчество.* (С07, 462–463).

Волонтерское действие, направленное на помощь конкретному объекту заботы и носящее частный, локальный характер, трактуется при этом и как действие, направленное на структурное изменение: к примеру, неблагоприятных социальных условий, в которых находится объект заботы. Частное действие, такое, как принести вещи детям в приют, позитивно и результативно, поскольку в ситуации здесь и сейчас разрешает конкретную проблему в отношении конкретного объекта заботы. Реальность действия, носящего частный характер (видимость его результата) видится основанием для наделения этого действия более широкой ролью — изменения ситуации. Тем более, есть структурные проблемы, решение которых не терпит отлагательства; вернее, находятся люди, которые интерпретируют некоторые структурные проблемы как не терпящие отлагательств и видят себя способными к немедленному инициативному участию без всяких предварительных условий и переговоров по выстраиванию коалиций: *Я просто считаю, что надо время тратить не на протесты. Ну, давайте будем протестовать, что у детей не хватает вещей в приютах или у детей нет продуктов в онкоцентре, у мам не хватает денег, зачем против этого протестовать, если можно пойти и помочь? — ...зачем протестовать, если можно просто менять эту ситуацию, делая какие-то свои действия положительные. Мне кажется, это путь более какой-то лучший, чем выйти на улицу с плакатом* (П30, 540–549).

Не будучи добровольцем, заранее отказавшись от добровольческого участия, можно оправдать себя догадкой о том, что за всяким из таких дефицитов (дефицит вещей в приюте, продуктов в онкоцентре) скрывается дисфункция конкретных статусных акторов и, возможно, она не бескорыстна. Если будем молчать (не протестовать, не производить шум), у детей в приютах (и онкоцентрах) никогда дефицит не исчезнет. Улучшение ситуации делом, а не словом, восполнение дефицита без лишнего шума из частных средств лишь подтвердит рациональность увода средств из приютов (и онкоцентров) на иные общественно значимые цели или даже в приватные закрома.

Так деловитость и благородство поощрит зло, однако в картине мира позитивного добровольца подобная логическая цепочка должна табуироваться, как ингибирующая непосредственное позитивное действие.

За этой осью также видится код различения позитивной и негативной свободы с приоритетом добровольца в пользу свободы позитивной.

Ось 3: Приватность vs. Публичность

Протестное действие реализуется внутри гражданско-политического пространства, в то время как добровольческое действие выводится за его пределы. Основанием для выведения волонтерства за пределы политики снова служит этимология слова: добровольчество есть добро. Помещенное не в поле реальных социальных действий, а в стерильное пространство добра и чистоты, оно отгораживается от всей гражданско-политической сферы; последняя, редуцированная до понятия «политики», трактуется как «грязное дело»: *Нет, нет, не мешайте политику с добровольчеством и волонтерством! Не мешайте! Политика — грязное дело, а волонтерство — чистое и доброе. Потому как мешать, это удел политиков, втянуть волонтеров в игры. Нельзя допускать, потому что половина сразу же уйдет, потому что политика! Все! До свидания!* (П05, 160–167)

Близки по смыслу высказывания волонтеров из Краснодара и Самары: *Добровольчество — это чистое движение, никак не связанное с политикой... (К07, 166–167) Добровольчество вне политики. (С41, 181)*

Что именно понимается под «нечистотами» политики, только из интервью с пермскими добровольцами уяснить в подробностях нельзя: *Волонтер — это человек, который сам для себя решил что-то сделать доброе. Доброе — в оппозицию? Доброе, оно же вне политики! Понятие «добро» для меня, по крайней мере, остается вне политики. Ты либо делаешь это добро, либо ты не делаешь это добро (П108).*

Здесь эксплицирован только один общий смысл, который можно понять так: (ритуальную?) чистоту добровольческого действия обеспечивает возможность самостоятельно, суверенно принять решение; тогда как «грязная» политика вынуждает актора координировать, согласовывать свои действия с другими, вести дело в качестве социализированного, обобщественного субъекта.

За идеей чистоты угадываются два более частных смысла. Во-первых, оговорка «сам для себя решил сделать добро» явно намекает на наивный подспудный солипсизм. Нет сомнений, что если бы информанта попросили уточнить, что значит «сам для себя», то он(а) сказал(а) бы, что и решение, и само «добро» предназначено не для себя, а для кого-то нуждающегося. Но в высказанной формуле доброволец никого не собирает спрашивать, в том числе и у благополучателя. В этом состоит наивность.

Во-вторых, если говорить о стремлении волонтеров к позитивной свободе, здесь с учетом солипсизма можно сделать уточнение — не к свободе, а к воле, которая, собственно, и не терпит никаких внешних ограничений. Воля их презирает и не отводит им собственного существования (как и «недобру» в первой оппозиции), а потому не считает достойной борьбу за негативную свободу от внешних ограничений. Так измерения оппозиций 1 и 3 насыщают интерпретации друг друга.

В интервью Краснодара и Самары нечистота политического участия раскрывается также через идеи о принудительности и корыстности протестного участия.

Рассмотренные здесь смыслы можно подвести под **ось частного–публичного**. Чистота ассоциируется с частной сферой, где монополией на легитимное решение имею только я, ибо я добр и благ, а о том, что у старушки, прежде чем перевести ее через дорогу, спросить, нужна ли ей такая помощь, вопрос не встает. Добровольческое участие из этой перспективы понимается как частное, а не публичное дело, требующее взаимной координации (хотя бы со старушкой). Наивность такого подхода проявляется в образе публичного, политического как грязного. Сфера политического как сфера гезельшафтного торга и компромисса (и гражданской активности вообще!) из гемайншафта видится безнадежной грязью.

Ось 4: Лояльность vs. Нелояльность

Наконец, четвертая ось дорисовывает «политическую» программу добровольчества: не разрушать (протестами), но укреплять устои (позитивными делами): *...мне кажется — если что-то идет добровольно, это что-то **должно**, наоборот, **помогать укреплять какие-то устои той организации, которой мы помогаем...** Как говорят, в чужой монастырь со своим уставом не лезут...* (П16, 361)

*Нет, если его, конечно, организывает молодежь, которая не понимает, что этими протестами, этими актами какими-то ты ничего не изменишь — у нас система не обратит внимания на это, система только ожесточится, и все. И считаю, что это **должно быть непротестное**, это должен быть — симбиоз. Надо находить точки соприкосновения, надо находить возможность решения ситуации. Я понимаю, что сложно, очень сложно достучаться, но это возможно. **Надо уметь играть по правилам.*** (П26, 244–246)

Принятое суверенное и добровольное решение помогать вполне сочетается с готовностью социализироваться (обобществиться), принять условия и правила игры как данность и руководство к действию. В этих цитатах уже нет следов отношения к добровольческому участию как к частной затее, а есть вполне отчетливая гражданская установка на лояльность публичному режиму политического торга и поиска компромиссов.

Принятие публичного режима взаимодействия автоматически оборачивается частичным (само)отчуждением от пространства добровольческой деятельности. Это пространство может восприниматься как «чужой монастырь», т.е. не мной, волонтером, установленный порядок, либо как пространство столкновения разных (добрых) волей, с которыми приходится «находить точки соприкосновения».

В цитатах, в которых мы обнаружили ось «частность–публичность», публичное пространство считывается точно так же как пространство не вполне свое из-за столкновения с чужими волями. Получается, что отчужденное пространство добровольческого участия в одном случае воспринимается негативно, а в другом позитивно. Последняя ось отражает зрелую гражданскую позицию добровольца, готового видеть собственное добровольческое участие в гражданско-политическом контексте в качестве лояльного игрока.

Из фрагментов интервью с активными волонтерами, полученными в ответ на стимульный вопрос о целесообразности делить волонтерство на протестное и лояльное, мы сформировали специфический *субдискурс аполитичного волонтерства*. Из этого субдискурса мы извлекли четырехмерное пространство признаков самоидентификации, в котором каждая ось задается двумя полюсами: (1) добро–отсутствие добра, (2) дело–слово, (3) частность–публичность, (4) лояльность–нелояльность.

Интерпретация первой оси «добро–отсутствие добра» получилась наиболее семантически насыщенной. В этом измерении есть мир с доброй волей в центре и отсутствием добра на периферии. В этом мире горизонт и результат всякого действия ограничен непосредственным его субъективным смыслом: действие с добрым намерением непременно приводит к добрым результатам, действие с недобрым намерением — к недобрым результатам. Поэтому протест, по определению содержащий недоброе намерение, с добровольчеством не совместим. В этом мире добровольчество следует своему стремлению к позитивной свободе — свободе делать что-то ценное, не отвлекаясь на борьбу против ограничений. В любых условиях можно сделать что-то позитивное — этим и нужно заниматься; этого не могут понять протестующие.

В основе оси «дело–слово» лежит простая мысль: нет толку в том, чтобы символически демонстрировать свое несогласие; нужно делать хотя бы малые дела, чтобы изменить ситуацию.

Для обеих первых осей важно понятие позитивного действия: в первом случае позитив обосновывается этически, во втором — через практическую пользу, деятельное изменение ситуации.

В третьей оси «приватность–публичность» «чистое» добровольческое участие принимается как приватное дело, а не публичное, требующее взаимной координации и торга, а потому «грязное» дело.

Первым трем осям свойствен упрощенный даже (намеренно) наивный взгляд на мир человека, не желающего обобществляться в сложном мире зрелого гражданского действия, живущего в этически безукоризненном приватном пространстве, где результат действия обусловлен качеством интенции. В этих измерениях кажется, что утрата наивности сделает невозможным добровольческое участие, питаемое стремлением к позитивной свободе; наивный взгляд на мир позволяет не замечать барьеры и находить лакуны возможного.

Только в четвертой оси «лояльность–нелояльность» отражается зрелая гражданская позиция добровольца, готового искать в мире сталкивающихся воль точки соприкосновения и компромиссы и сохранять лояльность установленному порядку, предпочитая позитивное действие негативному.

Литература

- 1 Берлин И. Два понимания свободы / Пер. Л. Седова // *Философия свободы*. Европа. М.: НЛО, 2001. С. 122–185.
- 2 Истомина А.Г., Оберемко О.А. Профессиональная идентичность учителей: конструирование негативной и позитивной свободы // *Профессии социального государства* / Науч. ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2013. С. 159–178.
- 3 Оберемко О.А. Производство групповой идентичности: опыт логико-семантического анализа // *Социология 4М*. 2010. № 31. С. 46–63.
- 4 Оберемко О.А. Пространственно-деятельная идентичность как представление о «территории свободы» // *Социологический журнал*. 2008. № 3. С. 62–81.
- 5 Токвиль А. Демократия в Америке / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/tokv/ (дата доступа: 09.09. 2011)

- 6 Anderson C.A. Aggression // Encyclopedia of Sociology. 2nd ed. / Ed. by E.F. Borgatta, Rh. Montgomery. N.Y. etc.: Macmillan Reference USA, 2000. Vol. 1. P. 68–78.
- 7 Eliasoph N. Avoiding Politics: How Americans Produce Apathy in Everyday Life. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2003.
- 8 Eliasoph N. Top-Down Civic Projects Are Not Grassroots Associations: How the Differences Matter in Everyday Life // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. Vol. 20. No. 3: Civicness and the Third Sector. 2009. P. 291–308.
- 9 Hustinx L., Cnaan R.A., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behaviour. Vol. 40. No. 4. 2010. P. 410–434.
- 10 Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2003. Vol. 14. No. 2.
- 11 Lichterman P. Elusive togetherness: Church groups trying to bridge America's divisions. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. (Ch. 5) URL: <http://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf> (дата обращения: 02.11.2014)
- 12 Musick M.A., Wilson J. Volunteers: A social profile. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008.
- 13 Putnam RD. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000.
- 14 The Values of Volunteering: Cross-Cultural Perspectives / Ed. by P. Dekker, L. Halman. New York: Kluwer academic; Plenum Publisher, 2003.
 - 15 Wilson J. Volunteering // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 215–240.